

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Решение

Именем Латвийской Республики

29 апреля 2008 года, Рига

по делу № 2007-25-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Гунарс Кутрис, судьи Каспарс Балодис, Юрис Елагинс, Кристине Крума и Викторс Скудра,

по конституционной жалобе Мариса Паудерса,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, статей 19² и 28¹ закона О Конституционном суде,

на судебном заседании 1 апреля 2008 года в письменном процессе рассмотрел дело

«О соответствии пункта 3 переходных правил Уголовно-процессуального закона статье 91 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. 25 апреля 2005 года Саэйма (Парламент) Латвийской Республики (далее в тексте – Саэйма) приняла Уголовно-процессуальный закон (далее в тексте также именуемый УПЗ), вступивший в силу с 1 октября 2005

года. Приняв упомянутый закон, законодатель тем самым концептуально изменил правовое регулирование уголовного процесса. До 1 октября 2005 года процессуальный порядок, применяемый к уголовным делам на территории Латвийской Республики, определялся Уголовно-процессуальным кодексом Латвии (далее в тексте также – УПК).

В Уголовно-процессуальном кодексе не был определен конкретный максимальный срок завершения досудебного следствия. Статья 128² УПК предусматривала, что уголовное преследование в рамках досудебного производства должно завершаться в течение двух месяцев, однако она также давала право руководителю учреждения прокуратуры на продление этого срока неограниченное количество раз. Часть первая статьи 389 УПЗ, напротив, предусматривает, что с момента вовлечения в досудебный процесс лица, имеющего право на защиту, или лица, право распоряжаться своим имуществом которого ограничено процессуальными действиями, досудебный процесс должен быть завершён или все принудительные процессуальные меры и ограничения прав в отношении имущества должны быть отменены: в случае уголовного нарушения – в течение шести месяцев, в случае преступления небольшой тяжести – в течение девяти месяцев, в случае тяжкого преступления – в течение двенадцати месяцев, в случае особо тяжкого преступления – в течение восемнадцати месяцев. Согласно части второй статьи 389 УПЗ в рамках уголовного процесса о тяжком или особо тяжком преступлении следственный судья может продлить указанный в части первой упомянутой статьи срок досудебного процесса ещё на шесть месяцев, но не более, чем на три месяца за один раз, если инициатором процесса не было допущено затягивание процесса или если более быстрое завершение процесса не было возможно ввиду его особой сложности.

Пункт 3 переходных правил Уголовно-процессуального процесса определяет следующее: «В уголовных делах, возбужденных до дня

вступления в силу настоящего закона, отсчет срока досудебного процесса начинается со дня вступления в силу настоящего закона» (далее в тексте – оспариваемая норма). Таким образом, согласно оспариваемой норме в уголовных делах, возбужденных до дня вступления в силу Уголовно-процессуального закона, отсчет срока досудебного процесса начинается с 1 октября 2005 года.

2. Заявитель Марис Паудерс (далее в тексте – Заявитель) просит признать оспариваемую норму не соответствующей статье 91 Конституции Латвийской Республики (далее в тексте – Конституция), так как данная норма ставит лица, получившие право на защиту согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса, и лица, получившие право на защиту уже в то время, когда в силу вступил Уголовно-процессуальный закон, в заведомо неравное положение. К последним относятся лишь сроки, определенные в статье 389 УПЗ. К Заявителю, получившему право на защиту в то время, когда действовал Уголовно-процессуальный кодекс, также применяются сроки, определенные в статье 389 УПЗ, однако отрезок времени до вступления в силу Уголовно-процессуального закона при этом не засчитывается.

2.1. 21 мая 2004 года решением прокурора Отдела по расследованию особо важных дел Департамента уголовного права Генеральной прокуратуры Латвийской Республики Заявитель был привлечен к уголовной ответственности за преступление, квалифицируемое как особо тяжкое. 6 сентября 2007 года инициатор процесса принял новое решение о привлечении Заявителя к уголовной ответственности с внесением изменений в юридическую квалификацию соответствующего преступления. Однако и согласно данному последнему решению Заявитель привлекается к уголовной ответственности за особо тяжкое преступление.

С 21 мая 2004 года по 6 августа 2004 года к Заявителю применялась мера пресечения в виде надзора полиции, а с 6 августа 2004 года по 24 октября 2005 года – подписка о неизменении места жительства. В свою очередь с 14 апреля 2007 года по 11 июня 2007 года и с 22 июня 2007 года к Заявителю применялась мера пресечения в виде сообщения почтового адреса и запрета на выезд за границу. Со 2 июня 2004 года решением прокурора на имущество Заявителя наложен арест.

17 января 2007 года защитник Заявителя обратился в Отдел по расследованию особо важных дел Департамента уголовного права Генеральной прокуратуры Латвийской Республики с просьбой прекратить уголовный процесс против Заявителя или отменить все применяемые к нему ограничения прав. Заявление было мотивировано тем, что уголовный процесс был со всей очевидностью затянут, при этом существенно и в течение длительного времени ограничивались основные права лица; дальнейшее ограничение прав лица, по мнению автора заявления, являлось недопустимым как противоречащее процессуальному сроку, определенному в пункте 4 части первой статьи 389 УПЗ. В решении от 24 января 2007 года об отклонении заявления прокурор указывает, что срок прекращения досудебного процесса не нарушен, так как согласно оспариваемой норме продолжительность досудебного процесса по данному конкретному уголовному делу следует считать не с 21 мая 2004 года, как считает Заявитель, а с 1 октября 2005 года.

4 июля 2007 года защитник Заявителя подал жалобу касательно упомянутого решения обер-прокурору Отдела по расследованию особо важных дел Департамента уголовного права Генеральной прокуратуры. В жалобе указывается, что оспариваемая норма ставит лица, привлеченные к уголовной ответственности согласно Уголовно-процессуальному кодексу, и лица, привлеченные к уголовной ответственности в порядке, установленном Уголовно-процессуальным законом, в заведомо неравное

положение. Кроме того, таким образом нарушается статья 91 Конституции и нормы международного права. Обер-прокурор отдела отклонил упомянутую жалобу решением от 10 июля 2007 года на основании аргументов, аналогичных аргументам, указанным в решении от 24 января 2007 года.

Касательно этого решения защитник Заявителя также подал жалобу обер-прокурору Департамента уголовного права Генеральной прокуратуры 18 июля 2007 года. Рассмотрев жалобу, 20 июля 2007 года исполняющий обязанности обер-прокурора департамента принял решение признать правомерным и обоснованным как решение, принятое 24 января 2007 года, так и решение, принятое прокурором 10 июля 2007 года.

2.2. Заявитель указывает, что определенное в Уголовно-процессуальном законе процессуальное регулирование является более благоприятным для лица в сравнении с регулированием, определенным в Уголовно-процессуальном кодексе. Оспариваемая норма, запрещающая применение более благоприятного регулирования с обратной силой, по мнению Заявителя, не имеет легитимной цели. Оспариваемая норма не является ни обоснованной, ни необходимой в демократическом обществе, ни соразмерной.

Если бы оспариваемой нормы не было, к Заявителю не могли бы применяться меры пресечения, решения о которых были приняты 14 апреля, 5 августа и 27 августа 2007 года, так как к тому времени истек бы максимальный срок ограничений, определенный в статье 389 УПЗ для дел соответствующей категории. В отношении лиц, получивших право на защиту после вступления в силу Уголовно-процессуального закона, установление подобных ограничений на срок, превышающий два года, было бы невозможным и считалось бы явным нарушением прав. Кроме того, в отличие от лиц, в отношении которых уголовный процесс был начат после вступления в силу Уголовно-процессуального закона,

Заявитель не может воспользоваться определенным в статье 70 и пункте 18 части первой статьи 66 УПК правом на подачу заявления о прекращении уголовного процесса, если нарушен срок досудебного процесса, определенный в законе.

Цели Уголовно-процессуального закона и Уголовно-процессуального кодекса, по мнению Заявителя, одинаковы – установить процессуальный порядок расследования преступлений. Соответственно, Уголовно-процессуальный закон является «правопреемником» или «преемником» Уголовно-процессуального кодекса. Понятие обвиняемого, используемое в обоих этих законах, идентично. Схожим является и содержание прав и обязанностей обвиняемого. Таким образом, лица, в отношении которых досудебный процесс начат согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса, находятся в одинаковых и сравнимых по определенным критериям обстоятельствах с лицами, в отношении которых такой процесс начат согласно нормам Уголовно-процессуального закона.

Заявитель указывает, что согласно аннотации законопроекта «Уголовно-процессуальный закон» длительное уголовное преследование лица и, тем более, содержание его под стражей без обвинительного приговора является серьезным ограничением прав человека. Посредством оспариваемой нормы обеспечивается такое положение дел, при котором обвиняемое в совершении преступления лицо само становится виноватым в том, что процесс был начат в то время, когда в силе еще находился Уголовно-процессуальный кодекс, а не в то время, когда в силу уже вступил Уголовно-процессуальный закон. Без какого бы то ни было обоснования забвению предается и стирается тот отрезок времени, в течение которого лицо находилось под подозрением и к нему применялись принудительные процессуальные меры во время действия Уголовно-процессуального кодекса. Единственной целью, к достижению

которой стремилось государство посредством оспариваемой нормы, по мнению Заявителя, является не защита демократических ценностей и не исполнение международных обязательств, а оправдание затянувшихся следственных процессов против лиц путем установления новых процессуальных сроков по тем делам, следствие по которым в противном случае подлежало бы прекращению.

Таким образом, установленное законодателем ограничение, предусматривающее отсчет срока досудебного процесса лишь с момента вступления в силу Уголовно-процессуального закона, не только не является необходимым, но и препятствует достижению легитимной цели Уголовно-процессуального закона, заключающейся в соблюдении прав человека. Оспариваемая норма, по мнению Заявителя, является откровенно дискриминирующей.

В данном случае не остается ничего другого, как констатировать дискриминацию и неравное отношение, так как имеет место неодинаковое отношение в одинаковых ситуациях. Для этого нет ни оснований, ни объективного оправдания, кроме того, достигаемая цель несоразмерна используемым для этого средствам. Принцип равенства и запрет на дискриминацию, закрепленные в статье 91 Конституции, являются категориями, которые не могут подвергаться ограничению. Более того, в данном конкретном случае существует противоречие между легитимной целью, выдвинутой законодателем при принятии Уголовно-процессуального закона, и оспариваемой нормой.

Оспариваемая норма не затрагивает все общество, а относится к конкретной его части – к лицам, получившим право на защиту в то время, когда действовал Уголовно-процессуальный кодекс. В данном конкретном случае, по мнению Заявителя, очевидны признаки прямой дискриминации, а именно то, что отношение к одному лицу является менее благоприятным, чем отношение к другому лицу в аналогичной

(сравнимой) ситуации. Прямая дискриминация, по мнению Заявителя, не может иметь оправданий. Необходимо соблюдать презумпцию невиновности и учитывать возможное будущее оправдание лица, кроме того подозрения государства относительно лица не могут продолжаться бесконечно. Соразмерный отрезок времени для «осуществления подозрений» определен в статье 389 УПЗ, и необоснованное продление этого срока в применении к лицам, получившим право на защиту в то время, когда еще действовал Уголовно-процессуальный кодекс, недопустимо.

3. Орган, издавший оспариваемый акт – **Саэйма** – не согласен с мнением Заявителя и считает, что оспариваемая норма соответствует норме права высшей юридической силы. Оспариваемая норма включена в переходные правила закона, и ее целью являлось обеспечение щадящего перехода от старого правового регулирования (Уголовно-процессуального кодекса) к новому (Уголовно-процессуальному закону).

Переходные правила Уголовно-процессуального закона предусматривают переходный порядок в ситуации, когда правовое регулирование определенного уголовно-процессуального института претерпело концептуальные изменения. Оспариваемая норма определяет, как действовать в случаях, когда уголовное дело возбуждено до 1 октября 2005 года, а досудебный процесс по делу еще не завершен.

Так как в Уголовно-процессуальном кодексе срок досудебного следствия не был определен, существовала возможность ведения следствия по уголовному делу вплоть до истечения срока давности. В свою очередь статья 389 УПЗ предусматривает сроки досудебного процесса. Так как теперь закон определяет срок досудебного процесса, положение лиц, к которым относится оспариваемая норма, улучшилось. Поэтому нет оснований считать, что к лицам, получившим статус

подозреваемого или обвиняемого согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса, применяются менее благоприятные нормы, чем к лицам, получившим такой статус согласно новому закону. Были бы основания говорить о менее благоприятном отношении, противоречащем статье 91 Конституции, в том случае, если бы закон определял, что к уголовным делам, возбужденным до дня вступления в силу нового закона, следует применять предыдущее регулирование, то есть если бы к ним вообще не применялась норма о сроке досудебного процесса.

Если бы законодатель постановил, что срок досудебного процесса по делам, возбужденным до вступления в силу Уголовно-процессуального закона, следует рассчитывать со дня принятия решения о привлечении к уголовной ответственности, то выяснилось бы, что во многих случаях срок уже истек или истечет в ближайшие дни или недели, в связи с чем возникла бы абсурдная ситуация, которая внесла бы хаос в деятельность учреждений досудебного следствия и прокуратуры. Было бы неразумно прекращать уголовное дело лишь по причине изменения правового регулирования уголовного процесса. Таким образом были бы существенно ущемлены права других лиц – пострадавших – и не была бы достигнута справедливая развязка уголовно-правовых отношений.

Сазыма указывает, что в случае, если бы оспариваемой нормы не существовало, определенные в Уголовно-процессуальном законе сроки досудебного процесса на практике автоматически применялись бы к незавершенным уголовным делам и рассчитывались бы со дня вступления закона в силу. Следовательно, оспариваемую норму следует считать уточняющей, разъясняющей ситуацию, и сама по себе эта норма не содержит ограничений прав лица.

Срок досудебного процесса применяется с 1 октября 2005 года одинаково ко всем лицам. Оспариваемая норма не предусматривает

отличающегося отношения к какой-либо группе лиц, а значит, соответствует статье 91 Конституции.

Также нет оснований считать, что фактические и правовые обстоятельства совершения аналогичного преступления до и после вступления в силу Уголовно-процессуального закона одинаковы. Даже в случае совершения нескольких одинаковых преступлений в каждом конкретном случае совокупность обстоятельств их совершения будет разной, что повлияет на длительность расследования конкретного преступления.

Следует учесть, что оспариваемая норма, в сущности, уже исполнена, так как с 1 октября 2005 года прошло два года. Кроме того, отмена оспариваемой нормы с обратной силой создала бы непрогнозируемые последствия, в том числе в отношении уже осужденных лиц.

4. Министерство юстиции считает, что оспариваемая норма соответствует статье 91 Конституции.

Анализируя, находятся ли лица, привлеченные к уголовной ответственности в порядке, установленном в Уголовно-процессуальном кодексе, в одинаковых и сравнимых условиях с лицами, привлеченными к уголовной ответственности в порядке, установленном в Уголовно-процессуальном законе, Министерство юстиции указывает на то, что согласно Уголовно-процессуальному закону прокурор инициирует уголовное преследование в порядке, аналогичном порядку, установленному в Уголовно-процессуальном кодексе. Ни в Уголовно-процессуальном кодексе, ни в Уголовно-процессуальном законе не определены сроки уголовного преследования, но в отличие от того, что в свое время предусматривал Уголовно-процессуальный кодекс, теперь эти сроки не могут превышать максимальный срок досудебного процесса. Так

как определенный в Уголовно-процессуальном законе досудебный уголовный процесс является новым правовым институтом, использовавшееся в Уголовно-процессуальном кодексе понятие «срок уголовного преследования» отличается от используемого в Уголовно-процессуальном законе понятия «срок досудебного процесса».

Принимая во внимание вышеизложенное, Министерство юстиции считает, что при оценке регулирования сроков нельзя сравнивать лица, привлеченные к уголовной ответственности в порядке, установленном в Уголовно-процессуальном кодексе, с лицами, привлеченными к уголовной ответственности согласно Уголовно-процессуальному закону, так как в Уголовно-процессуальном кодексе не были определены максимальные сроки уголовного преследования.

Оспариваемая норма разработана с целью обеспечения выполнения такого требования правового государства как всеобъемлющее влияние закона на всех лиц и одинаковое к ним отношение без привилегий. Одной из целей разработки Уголовно-процессуального закона было предотвратить ограничения прав человека и затяжное уголовное преследование лиц, в особенности сопряженное с содержанием под стражей без обвинительного приговора, а оспариваемая норма регулировала переход от прежнего правового регулирования к новому после принятия закона. Законодатель обеспечил такой переход объективным и разумным образом. Кроме того, оспариваемая норма принята с целью обеспечения принципа соразмерности и для того, чтобы более благоприятные для лиц нормы Уголовно-процессуального закона применялись и к тем лицам, в отношении которых уголовное преследование было начато согласно Уголовно-процессуальному кодексу.

Оспариваемая норма является уточняющей и разъясняющей ситуацию и сама по себе не предусматривает ограничения прав лиц. Она предусматривает одинаковое отношение к лицам, находящимся в разных

обстоятельствах. Таким образом, оспариваемая норма имеет легитимную цель – обеспечить соразмерный переход от старого правового регулирования к новому.

5. Омбудсмен Латвийской Республики (далее в тексте – Омбудсмен) указывает на то, что при принятии оспариваемой нормы законодатель не выделил отдельной группы лиц по определенному признаку или недопустимым критериям. Из этого следует, что в данном случае нет оснований анализировать возможное нарушение принципа запрета на дискриминацию, а следует оценить соответствие оспариваемой нормы первому предложению статьи 91 Конституции.

Омбудсмен считает, что имеет место неодинаковое отношение к лицам, находящиеся на стадии досудебного процесса уголовные дела которых были возбуждены до 1 октября 2005 года, и лицам, против которых уголовные процессы были начаты после вступления в силу Уголовно-процессуального закона.

В оспариваемой норме в качестве критерия применения сроков досудебного процесса упомянуто только возбужденное уголовное дело и не заверченный на 1 октября 2005 года досудебный процесс. В данном случае признаком, объединяющим группу лиц, следует считать заведенное уголовное дело (начатый уголовный процесс) и процессуальную стадию досудебного процесса (следствия) в отрезок времени после 1 октября 2005 года.

Предусмотрев в Уголовно-процессуальном законе терминированные досудебные процессы и для тех уголовных дел, которые были возбуждены согласно Уголовно-процессуальному кодексу и еще не были переданы суду, законодатель презюмировал, что упомянутая группа лиц с 1 октября 2005 года находится в сравнимых

обстоятельствах с лицами, относительно которых досудебный процесс начат после вступления в силу Уголовно-процессуального закона.

При принятии нормы права законодатель всегда должен проверять, как она влияет на существующие правовые отношения. При внесении поправок в нормативные акты в демократическом правовом государстве их издатель обязан взвесить возможность щадящего перехода к новому правовому регулированию. Поэтому цель оспариваемой нормы – обеспечение щадящего перехода к новому регулированию уголовного процесса – следует признать легитимной.

Касательно соответствия оспариваемой нормы критерию соразмерности Омбудсмен указывает, что установление сроков для тех досудебных процессов, которые были начаты согласно Уголовно-процессуальному кодексу, не ограничивает, а закрепляет права лица. Лица, против которых уголовные дела были возбуждены до 1 октября 2005 года и ведущийся против которых досудебный процесс продолжался после упомянутой даты, по мнению Омбудсмана, заинтересованы в том, чтобы новое правовое регулирование вступило в силу как можно скорее. Более того, такие лица имеют право на такие же определение и расчет сроков судебного процесса, как и лица, против которых досудебный процесс был начат согласно Уголовно-процессуальному закону. Оспариваемая норма подходит для достижения легитимной цели, улучшает правовое положение лиц и является соразмерной.

Соответствие оспариваемой нормы статье 91 Конституции также следует оценивать во взаимосвязи с принципом правового доверия. Терминированный досудебный процесс является новым для Латвии правовым институтом. То, что в Уголовно-процессуальном кодексе не были установлены сроки для различных уголовно-процессуальных действий, не означает, что Уголовно-процессуальный закон имеет обратную силу в вопросах, не регулировавшихся Уголовно-

процессуальным кодексом. По мнению Омбудсмана, нет оснований считать, что лица, против которых уголовные дела были возбуждены до вступления в силу Уголовно-процессуального закона и досудебный процесс относительно которых продолжался после 1 октября 2005 года, обладают субъективным правом полагаться на обратную силу нового регулирования. Кроме того, вступление в силу нового регулирования улучшило правовое положение таких лиц. Посредством нового регулирования была введена прозрачная система, и лицам было дано право полагаться на то, что по истечении определенного срока досудебный процесс должен быть завершен или же должны быть отменены все принудительные процессуальные меры и ограничения прав относительно имущества. Следовательно, оспариваемая норма не противоречит принципу правового доверия.

6. Генеральная прокуратура Латвийской Республики (далее в тексте – Генеральная прокуратура) указывает на то, что Уголовно-процессуальный кодекс не устанавливал сроков ведения следствия по уголовным делам и применения мер пресечения (за исключением содержания под стражей и домашнего ареста).

Положение обвиняемых улучшилось с вступлением в силу Уголовно-процессуального закона, так как теперь определен конкретный срок досудебного процесса согласно включенной в Уголовно-процессуальный закон классификации преступлений.

Так как в Уголовно-процессуальном законе установлено совершенно новое регулирование сроков досудебного процесса, Генеральная прокуратура считает, что справедливо вести расчет этих сроков со дня вступления в силу Уголовно-процессуального закона, то есть с 1 октября 2005 года. Кроме того, упомянутые сроки равным образом относятся ко всем людям в Латвии без какой бы то ни было дискриминации. Обратная ситуация возникла бы, если бы в переходных

правилах законодатель определил, что установленные в новом Уголовно-процессуальном законе сроки досудебного процесса неприменимы к уголовным процессам, начатым до вступления в силу Уголовно-процессуального закона. Это вызвало бы ситуацию, при которой в отдельных уголовных процессах (относительно отдельных подозреваемых или обвиняемых лиц) уже после 1 октября 2005 года сроки досудебного процесса не были бы установлены вовсе.

Кроме того, определенные в статье 389 УПЗ сроки досудебного процесса связаны с процессуальным положением лица, то есть процессуальные сроки рассчитываются с момента получения лицом того или иного уголовно-процессуального статуса. С учетом того, что в Уголовно-процессуальном кодексе не было такого участника процесса, как лицо, против которого начат уголовный процесс, после вступления в силу Уголовно-процессуального закона было бы затруднительно рассчитать сроки досудебного процесса по уголовным делам, возбужденным до вступления закона в силу.

Часть выводов

7. Статья 91 Конституции определяет следующее: «Все люди в Латвии равны перед законом и судом. Права человека осуществляются без какой-либо дискриминации.» Данная статья содержит два взаимосвязанных принципа: принцип равенства – в первом предложении и принцип запрета на дискриминацию – во втором предложении (см. пункт 9 решения Конституционного суда от 14 сентября 2005 года по делу № 2005-02-0106).

7.1. В конституционной жалобе указано, что оспариваемой нормой нарушается не только принцип равенства, содержащийся в первом предложении статьи 91 Конституции, но и включенный во второе предложение принцип запрета на дискриминацию.

В случае дискриминации неодинаковое отношение основывается на ряде запрещенных критериев (см.: *Levits E. Par tiesiskās vienlīdzības principu // Latvijas Vēstnesis, 8 мая 2003 года, № 68*). Такими критериями являются, например, пол, раса, национальная принадлежность, религиозные убеждения, принадлежность к определенной социальной группе. При применении предусмотренных в Уголовно-процессуальном законе сроков досудебного процесса к лицам, получившим право на защиту в порядке, установленном в Уголовно-процессуальном кодексе, законодателем не было предписано неодинаковое отношение, основанное на каком-либо из запрещенных критериев. Омбудсмен также подчеркивает, что оспариваемая норма не выделяет отдельную группу лиц на основании недопустимых критериев.

Следовательно, в рамках данного дела оспариваемую норму следует оценивать не в контексте запрета на дискриминацию, а в контексте равенства.

7.2. Принцип правового равенства не позволяет государственным органам издавать нормы, которые без разумного на то основания допускают разное отношение к лицам, находящимся в одинаковых или сравнимых обстоятельствах (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 3 апреля 2001 года по делу № 2000-07-0409). Задача принципа равенства – обеспечить реализацию такого требования правового государства, как сквозное воздействие закона на всех лиц и его применение без привилегий. Это гарантирует исчерпывающее действие закона, объективность и беспристрастность в его применении, а также то, что никому не позволено не соблюдать предписаний закона (см. пункт 9.1. решения Конституционного суда от 14 сентября 2005 года по делу № 2005-02-0106). Однако такое единство правового порядка не означает, что права людей должны быть одинаковыми. Равенство допускает дифференцированный подход, если он оправдан для демократического

общества (см. пункт 4 части выводов решения Конституционного суда от 26 июня 2001 года по делу № 2001-02-0106).

Таким образом, принцип равенства допускает и даже требует разного отношения к лицам, находящимся в разных обстоятельствах, а также допускает разное отношение к лицам, находящимся в одинаковых обстоятельствах, если на то имеются объективные и разумные основания (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 3 апреля 2001 года по делу № 2000-07-0409).

7.3. Чтобы оценить соответствие оспариваемой нормы первому предложению статьи 91 Конституции, необходимо выяснить следующее:

во-первых, наличие лиц (групп лиц), находящихся в одинаковых и сравнимых обстоятельствах;

во-вторых, какое отношение – одинаковое или неодинаковое – предусматривает оспариваемая норма в отношении таких лиц;

в-третьих, имеет ли такое отношение объективные и разумные основания.

Неодинаковое отношение не имеет объективных и разумных оснований, если оно не имеет легитимной цели или если соотношение между выбранными средствами и поставленными целями непропорционально (несоразмерно) (см. пункт 3 части выводов решения Конституционного суда от 23 декабря 2002 года по делу № 2002-15-01).

8. Чтобы выяснить, какие лица или группы лиц находятся в одинаковых и сравнимых по определенным критериям обстоятельствах, необходимо найти объединяющий такие группы признак (см. пункт 14 решения Конституционного суда от 14 июня 2007 года по делу № 2006-31-01).

8.1. Оспариваемая норма предусматривает порядок установления сроков досудебного процесса по уголовным делам, возбужденным до

вступления в силу Уголовно-процессуального закона, то есть до 1 октября 2005 года. Оспариваемая норма определяет, с какого момента в упомянутых уголовных делах можно вести отсчет сроков досудебного процесса, однако сроки как таковые она не регулирует. Порядок расчета сроков и их продолжительность регулируется статьей 389 УПК. В зависимости от степени тяжести преступления статья 389 УПК предусматривает различные максимальные сроки завершения досудебного процесса или отмены всех принудительных процессуальных мер и ограничений прав в отношении имущества. Поэтому оспариваемую норму следует оценивать во взаимосвязи со статьей 389 УПК, чтобы выяснить, какие лица находятся в одинаковых или различных обстоятельствах.

8.2. Так как оспариваемая норма относит установленные в Уголовно-процессуальном законе сроки досудебного процесса и к уголовным делам, возбужденным до вступления в силу Уголовно-процессуального закона, необходимо выяснить, которую из стадий процесса, регулируемых Уголовно-процессуальным кодексом, следует приравнивать к досудебному процессу, определенному в Уголовно-процессуальном законе.

В Уголовно-процессуальном кодексе не существовало понятия досудебного уголовного процесса, однако он предусматривал досудебное следствие – стадию процесса, не являющуюся идентичной регулируемому Уголовно-процессуальным законом досудебному процессу, однако схожую с ним по целям и содержанию. Содержание досудебного процесса определено в статье 384 УПК, согласно которой во время следствия и уголовного преследования в рамках досудебного процесса необходимо выяснить следующее: 1) произошло ли преступление, 2) лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, 3) наличие оснований для прекращения уголовного процесса или его передачи в суд.

Уголовно-процессуальный кодекс *expressis verbis* не ставил таких задач перед досудебным следствием, однако предусматривавшиеся в Уголовно-процессуальном кодексе задачи досудебного следствия были схожи с задачами, определенными в действующем Уголовно-процессуальном законе.

Начало досудебного процесса и досудебного следствия в Уголовно-процессуальном кодексе и Уголовно-процессуальном законе регламентированы аналогичным образом. Согласно статье 372 УПК уголовный процесс возбуждается путем принятия соответствующего решения процессуально уполномоченным должностным лицом. Процессуальным действием, сравнимым с возбуждением уголовного процесса является предусматривавшееся в статье 113 УПК возбуждение уголовного дела. Несмотря на то, что возбуждение уголовного дела согласно Уголовно-процессуальному кодексу считалось самостоятельной стадией уголовного процесса и могло длиться определенный отрезок времени, оно завершалось конкретным решением о возбуждении уголовного дела. Согласно статье 114 УПК досудебное следствие начиналось именно после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Способы завершения досудебного следствия, предусматривавшегося в Уголовно-процессуальном кодексе, и досудебного процесса, предусмотренного в Уголовно-процессуальном законе, также аналогичны. Статья 208 УПК предусматривала, что досудебное следствие завершается составлением обвинительного заключения (и дальнейшей передачей уголовного дела в суд), принятием решения о прекращении дела или принятием решения о передаче дела суду для применения принудительных мер медицинского характера. Согласно статье 411 УПК осуществляемый в общем порядке уголовный процесс может быть завершен передачей процесса в суд, то есть

принятием решения о передаче уголовного дела суду или принятием решения о прекращении уголовного процесса, а также принятием решения и передачей уголовного дела суду для определения принудительных мер медицинского или воспитательного характера.

Этапы досудебного процесса и досудебного следствия также аналогичны по целям и содержанию. Уголовно-процессуальный закон предусматривает два этапа досудебного процесса: следствие и уголовное преследование. В свою очередь согласно Уголовно-процессуальному кодексу этапами досудебного следствия являлись дознание и уголовное преследование.

Из оспариваемой нормы также следует, что досудебное следствие и досудебный процесс являются схожими правовыми институтами, так как в ней указано, что для уголовных дел, возбужденных до 1 октября 2005 года, сроки досудебного процесса устанавливаются так же, как для уголовных процессов, начатых уже в соответствии с Уголовно-процессуальным законом. Таким образом, в случаях, когда досудебное следствие еще не было завершено к моменту вступления в силу Уголовно-процессуального закона, досудебный процесс является продолжением досудебного следствия. В своем ответном письме Саэйма также указывает, что оспариваемая норма определяет, как действовать в случаях, когда уголовное дело было возбуждено до 1 октября 2005 года, а досудебный процесс по нему еще не был к этому моменту завершен.

Таким образом, этап процесса, регламентируемый Уголовно-процессуальным кодексом – досудебное следствие – и этап процесса, предусмотренный Уголовно-процессуальным законом – досудебный процесс – являются правовыми институтами уголовного процесса со схожими целями и содержанием.

8.3. Уголовно-процессуальный кодекс не устанавливал сроков досудебного следствия. Только статья 128² УПК предусматривала, что

уголовное преследование в рамках досудебного следствия должно завершаться в течение двух месяцев, за исключением случаев, когда соответствующий срок продлевается. Однако Уголовно-процессуальный кодекс не устанавливал ограничений на продление срока уголовного преследования. В свою очередь статья 389 УПК определяет, что срок, в течение которого досудебный процесс должен быть завершен или должны быть отменены все принудительные процессуальные меры и ограничения прав в отношении имущества, может начинаться в различные моменты времени – как в момент вовлечения лица, имеющего право на защиту, в досудебный процесс, так и в момент ограничения права лица распоряжаться своим имуществом процессуальными действиями, то есть в момент наложения ареста на имущество лица согласно статье 361 УПК.

21 мая 2004 года Заявитель был привлечен к уголовной ответственности и таким образом получил право на защиту согласно статье 18 УПК. Арест на имущество Заявителя был наложен позднее – 2 июня 2004 года. Так как Заявитель был вовлечен в уголовный процесс с момента, когда он получил право на защиту, а не с момента, когда на его имущество был наложен арест, необходимо выяснить, схожим ли образом регулируется правовой статус лиц, получивших право на защиту, в Уголовно-процессуальном законе и Уголовно-процессуальном кодексе.

В сравнении с Уголовно-процессуальным кодексом Уголовно-процессуальный закон предусматривает большее количество процессуальных статусов, в рамках которых лицо получает право на защиту. Обозначения двух процессуальных статусов – статуса подозреваемого и статуса обвиняемого – в Уголовно-процессуальном законе и в Уголовно-процессуальном кодексе идентичны. Лицо, против которого были направлены какие-либо уголовно-процессуальные действия в то время, когда действовал Уголовно-процессуальный кодекс,

получало право на защиту позже, чем это предусматривается действующим Уголовно-процессуальным законом. Если существует реальная возможность, что лицо совершило расследуемое преступление, согласно части третьей статьи 61 УПК оно получает право на защиту уже в момент его вовлечения в осуществление процессуального действия или когда передается гласности информация о возбуждении уголовного процесса против этого лица. В противоположность этому, статья 121 УПК предусматривала, что лицо получает право на защиту в момент, когда оно становится подозреваемым, то есть в момент задержания или применения меры пресечения еще до предъявления обвинения.

Однако отличия в регулировании, содержащемся в обоих законах, не столь существенны, чтобы можно было утверждать, что лица, получившие право на защиту в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом, и лица, получившие право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону, находятся в различных обстоятельствах. Права, гарантируемые законом лицам, получающим право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону, почти идентичны тем, что были определены в Уголовно-процессуальном кодексе. Процессуальное положение таких получивших право на защиту лиц, как задержанный, подозреваемый и обвиняемый также регламентировано в обоих законах очень схожим образом.

Несмотря на то, что статья 66 УПК определяет права подозреваемого более детально, чем это делал Уголовно-процессуальный кодекс, как в статье 66 УПК, так и в статье 121 УПК, определено, что подозреваемый, помимо прочего, имеет право пригласить защитника, обжаловать действия должностного лица, уполномоченного на осуществление уголовного процесса (в Уголовно-процессуальном кодексе – действия дознавателя или прокурора), а также предоставлять объяснения и подавать ходатайства. В отношении прав обвиняемого как

статья 70 УПЗ, так и статья 95 УПК определяют, что обвиняемый, помимо прочего, имеет право на защитника, право знать, в чем он обвиняется, право предоставлять объяснения, подавать ходатайства, право ознакомиться с материалами уголовного дела, подавать жалобы касательно действий должностного лица, уполномоченного на осуществление уголовного процесса (а Уголовно-процессуальном кодексе – на действия дознавателя или прокурора).

Следовательно, лица, получившие право на защиту согласно Уголовно-процессуальному кодексу, и лица, получившие право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону, находятся в одинаковых и сравнимых обстоятельствах.

9. Конституционный суд должен выяснить, предусматривает ли оспариваемая норма одинаковое или различное отношение к лицам, получившим право на защиту согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса, и к лицам, получившим право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону.

Оспариваемая норма определяет, что как по уголовным делам, возбужденным до вступления в силу Уголовно-процессуального закона, так и по уголовным процессам, начатым согласно Уголовно-процессуальному закону, срок досудебного процесса рассчитывается с 1 октября 2005 года. Таким образом, оспариваемая норма сама по себе предусматривает одинаковое отношение к упомянутым группам лиц.

Однако необходимо учитывать, что оспариваемая норма предусматривает только порядок применения сроков досудебного процесса к уголовным делам, возбужденным до вступления в силу Уголовно-процессуального закона, но не устанавливает сроков досудебного процесса как таковых и не устанавливает условий их наступления. Как указано в пункте 8.1. настоящего решения, соответствие

оспариваемой нормы первому предложению статьи 91 Конституции нельзя оценивать в отрыве от статьи 389 УПК, определяющей максимальный срок досудебного процесса или срок отмены всех принудительных процессуальных мер и ограничений прав в отношении имущества. Из оспариваемой нормы во взаимосвязи со статьей 389 УПК следует, что отношение к группам лиц, находящихся в сравнимых обстоятельствах, все же является различным.

Максимально допустимый срок досудебного процесса или ограничения прав в рамках уголовного процесса, начатого согласно Уголовно-процессуальному закону, определен в статье 389 УПК. Он может продолжаться не более 24 месяцев в случае особо тяжкого преступления. В свою очередь если уголовное дело было возбуждено согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса и в рамках такого дела были ограничены права лица (применена мера пресечения или наложен арест на имущество), а досудебное следствие не было завершено к 1 октября 2005 года, упомянутое ограничение прав могло продолжаться больше 24 месяцев, так как в срок досудебного процесса, определенный в статье 389 УПК, не был засчитан отрезок времени, в течение которого права лица были ограничены в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно заключить, что права лица, получившего право на защиту согласно Уголовно-процессуальному кодексу, в том числе права Заявителя, могли ограничиваться дольше, чем права лиц, получивших право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону.

Следовательно, оспариваемая норма предусматривает неодинаковое отношение к лицам, которые получили право на защиту согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса и по уголовным делам которых досудебное следствие не было завершено к

1 октября 2005 года, и к лицам, получившим право на защиту согласно Уголовно-процессуальному закону.

10. Чтобы определить, имеются ли для такого неодинакового отношения объективные и разумные основания, необходимо выяснить, есть ли у оспариваемой нормы легитимная цель.

В контексте статьи 91 Конституции в основе неодинакового отношения должны лежать «разумные причины» (см.: *Levits E. Partesiskās vienlīdzības princīpi // Latvijas Vēstnesis, 8 мая 2003 года № 68*). Доктрина конституционных прав также признает, что причиной для неодинакового отношения в сравнимых ситуациях может служить любое разумное соображение. Законодатель по своему усмотрению определяет те правовые ситуации, к которым он относит одни и те же правовые последствия, если имеется объективное оправдание такому подходу (см.: *Jarass D., Pieroth B. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 8. Aufl. München: Verlag C.H.Beck, 2006, S. 99*). Таким образом, в контексте статьи 91 Конституции легитимными целями могут являться не только цели, упомянутые в статье 116 Конституции, но и любые другие разумные цели.

Обязанность продемонстрировать и обосновать легитимную цель неодинакового отношения в рамках процесса Конституционного суда прежде всего ложится на орган, издавший оспариваемый акт, в данном конкретном случае – на Сазйму (см. пункт 22.1. решения Конституционного суда от 18 октября 2007 года по делу № 2007-03-01).

Можно согласиться с мнением, выраженным в ответном письме Сазймы, о том, что целью оспариваемой нормы, так же как и целью всех пунктов переходных правил Уголовно-процессуального закона, является обеспечение разумного и сбалансированного перехода от старого правового регулирования, то есть от Уголовно-процессуального кодекса, к новому правовому регулированию – к Уголовно-процессуальному

закону. Оспариваемая норма обеспечивает такой переход, так как принятием Уголовно-процессуального закона был введен такой правовой институт, как сроки досудебного процесса. В Уголовно-процессуальном кодексе сроки досудебного следствия установлены не были. Применив предусмотренные в Уголовно-процессуальном законе ограниченные сроки досудебного процесса к уголовным делам, возбужденным до вступления закона в силу, законодатель установил разумный переход от старого правового регулирования к новому.

Приняв оспариваемую норму, законодатель определил точный порядок расчета инициаторами процесса сроков досудебного процесса по упомянутым уголовным делам. Оспариваемая норма во взаимосвязи со статьей 389 УПК предусматривает конкретные сроки завершения досудебного процесса или отмены всех принудительных процессуальных мер и ограничений прав в отношении имущества. Оспариваемая норма обеспечила прогнозируемость и правовую определенность завершения досудебного процесса по уголовным делам, возбужденным до вступления в силу Уголовно-процессуального закона.

Следовательно, созданное оспариваемой нормой неординарное отношение имеет легитимную цель – установить разумный переход от прежнего правового регулирования к новому.

11. Для того, чтобы неординарное отношение было оправданным, его легитимная цель должна соответствовать принципу соразмерности.

В контексте принципа правового равенства соразмерность означает, что польза, приносимая обществу неординарным отношением к сравнимым ситуациям, должна превышать урон, наносимый лицам, находящимся в наиболее неблагоприятной из двух ситуаций.

Чтобы оценить, соответствует ли принятая законодателем правовая норма принципу соразмерности, необходимо выяснить следующее:

во-первых, являются ли использованные законодателем средства подходящими для достижения легитимной цели;

во-вторых, являются ли такие действия необходимыми, т.е. не может ли данная цель быть достигнута другими средствами, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы индивидуума;

в-третьих, адекватны ли действия законодателя, т.е. превышает ли приносимая обществу польза урон, наносимый правам и законным интересам индивидуума.

Если в ходе оценки нормы права будет признано, что она не соответствует хотя бы одному из упомянутых критериев, то она не соответствует и принципу соразмерности и является неправомерной (*см. пункт 3.1. части выводов решения Конституционного суда от 19 марта 2002 года по делу № 2001-12-01*).

12. Как уже указывалось ранее, Уголовно-процессуальный закон устанавливает сроки завершения досудебного процесса или отмены всех принудительных процессуальных мер и ограничений прав в отношении имущества. Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривал сроков досудебного следствия.

Для того, чтобы обеспечить переход от старого правового регулирования к новому, а также определить порядок расчета сроков досудебного процесса по уголовным делам, возбужденным до 1 октября 2005 года, досудебное следствие по которым еще не было завершено, законодатель имел право и был обязан определить, каким образом определенные в статье 389 УПК сроки досудебного процесса применяются к ранее возбужденным уголовным делам. Законодатель сделал это посредством принятия оспариваемой нормы, из которой следует, что досудебный процесс считается продолжением досудебного следствия, и для лиц, получивших право на защиту согласно нормам

Уголовно-процессуального кодекса, его срок рассчитывается, начиная с 1 октября 2005 года. Таким образом, сроки досудебного процесса, определенные в статье 389 УПЗ, были отнесены и к лицам, получившим право на защиту до 1 октября 2005 года.

Оспариваемой нормой законодатель установил такой порядок расчета сроков досудебного процесса, который является не только ясным и однозначным, но и осуществимым на практике.

Следовательно, оспариваемая норма является подходящей для достижения легитимной цели.

13. При оценке того, были ли действия законодателя, заключавшиеся в принятии оспариваемой нормы, необходимыми, нужно выяснить, мог ли законодатель достичь легитимной цели более щадящими по отношению к правам и законным интересам индивидуума средствами.

Новым правовым регулированием законодатель должен был четко и однозначно определить, с какого момента начинается подсчет срока досудебного процесса в уголовных делах, которые были возбуждены до 1 октября 2005 года и досудебное следствие по которым не было завершено до упомянутой даты. С учетом того, что пункт 1 части первой статьи 389 УПЗ предусматривает, что в уголовном процессе по уголовному нарушению максимальный срок досудебного процесса составляет лишь шесть месяцев, было разумно установить в качестве точки отсчета 1 октября 2005 года, а не более раннюю дату.

Законодатель не был обязан установить более раннюю точку отсчета срока досудебного процесса, присваивая таким образом соответствующим нормам Уголовно-процессуального закона обратную силу. Обратная сила нормы права известна в материальном уголовном праве. Как указано в части второй статьи 5 Уголовного закона, закон,

признающий деяние ненаказуемым, смягчающий наказание или иным образом являющийся благоприятным для лица, имеет обратную силу, если в соответствующем законе не указано обратное. В свою очередь для норм права уголовного процесса обратная сила не характерна. Новое регулирование уголовного процесса относится к уже начатым уголовным процессам и не только к порядку уголовного процесса, но и к правовому положению вовлеченных в процесс лиц, а также к принудительным мерам, примененным к таким лицам (см.: *Goßner-Meyer L. Strafprozessordnung. 48. Aufl. München: Verlag C.H.Beck, 2005, S. 51*). В статье 4 УПК, включенной в раздел 1 закона, озаглавленный «Основные положения уголовного процесса», указано, что порядок уголовного процесса определяется той нормой права уголовного процесса, которая действует на момент совершения процессуального действия. То есть все процессуальные действия после 1 октября 2005 года должны были осуществляться согласно действовавшим на тот момент нормам права уголовного процесса.

Конституционный суд считает, что оспариваемая норма является щадящей по отношению к правам и законным интересам индивидуума, так как она относит срок досудебного процесса к лицам, в чьих уголовных делах согласно прежнему правовому регулированию максимальные сроки досудебного следствия не предусматривались вовсе. Ни Заявитель, ни органы, представившие свое мнение по данному делу, не упомянули других возможных правовых решений, которые были бы более щадящими по отношению к индивидууму, чем оспариваемая норма. Возможно, законодатель мог предусмотреть иное регулирование отсчета сроков досудебного процесса для уголовных дел, возбужденных до 1 октября 2005 года. Однако любое другое правовое регулирование также допускало бы неодинаковое отношение к группам лиц, сравнивавшимся в

рамках данного дела, и нет оснований считать, что оно было бы более щадящим по отношению к индивидууму.

Конституционный суд признает, что оспариваемая норма была необходима для четкого и однозначного установления конкретного срока досудебного процесса для лиц, получивших право на защиту до 1 октября 2005 года.

Следовательно, действия законодателя были необходимы для достижения легитимной цели оспариваемой нормы.

14. Обоснованным является выраженное Сэймой мнение о том, что даже в том случае, если бы оспариваемой нормы не существовало, инициаторы процесса автоматически отнесли бы установленные в Уголовно-процессуальном законе сроки досудебного процесса к незаконченным уголовным делам и вели бы отсчет со дня вступления закона в силу. Оправданием такого подхода служил бы принцип, включенный в статью 4 УПЗ, согласно которому порядок уголовного процесса определяют нормы права, действующие на момент совершения процессуального действия.

Однако законодатель должен был принять оспариваемую норму для обеспечения правовой определенности, являющейся одним из существенных принципов демократического государства. Включив оспариваемую норму в переходные правила Уголовно-процессуального закона, законодатель, во-первых, определил, что досудебный процесс может считаться продолжением досудебного следствия, предусматривавшегося в Уголовно-процессуальном кодексе. Во-вторых, посредством оспариваемой нормы законодатель определил, что сроки досудебного процесса, регламентированные в Уголовно-процессуальном законе, также применяются к лицам, чьи уголовные дела были возбуждены до 1 октября 2005 года. Правовая определенность,

достигаемая посредством оспариваемой нормы, отвечает интересам не только общества, но и вовлеченных в уголовный процесс лиц, в том числе Заявителя.

Необходимо учитывать, что помимо рассмотренных в рамках данного дела двух групп лиц есть еще одна группа лиц – лица, которые получили право на защиту согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса и по чьим уголовным делам досудебное следствие уже было завершено до момента вступления в силу Уголовно-процессуального закона. Для этой группы лиц срок завершения досудебного следствия или отмены всех мер пресечения или ограничений прав в отношении имущества не был определен вовсе. Новое правовое регулирование, а именно оспариваемая норма во взаимосвязи со статьей 389 УПК, существенно улучшило правовое положение Заявителя в сравнении с положением упомянутой третьей группы лиц.

Следовательно, оспариваемая норма обеспечивает соразмерность между правами индивидуума и интересами общества и соответствует первому предложению статьи 91 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30 – 32 закона О Конституционном суде
Конституционный суд

п о с т а н о в и л :

признать пункт 3 переходных правил Уголовно-процессуального закона соответствующим статье 91 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.
Решение вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель судебного заседания
Кутрис

Г.